

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Сказки старого Онана. Сказка четвертая: Тела, затянутые в ткань

Почти неделя прошла с того первого раза, когда ненависть в моём взгляде настолько сбила проходящую девушку, что она буквально втиснулась в идущего навстречу парня в длинном свитере. Я стал свидетелем слов извинения, смущенной улыбки, ответного «всё ок» и всего того прочего, обычно сопровождающего случайные столкновения. Впрочем, глаза мои отметили полуслучайное скольжение руки парня по крепко натянутой бедром ткани юбки, и задумчивость осознания происшедшего во взгляде, который она кинула на меня.

В тот день я решил попробовать решить мою проблему у специалиста. Часто, проходя мимо этого здания из одного учебного корпуса в другой, я глядел на вывеску и думал, что когда-нибудь окажусь внутри. Момент настал. Дверь, отворяясь, стукнула по подвешенному колокольчику, возвестившему о моем появлении. Там, на улице, всё так же незыблемо висела табличка:

«Психологическая помощь населению»

Ждать пришлось долго. Какая-то тетка пару раз прошла мимо, но молча и не интересуясь моей персоной, так что пришлось искать собеседника самому. Собеседником оказалась она, в смысле собеседница.

— « Я ищу психолога, нужна консультация.»

— « Проходите в кабинет, он придет через минуту.»

Стол, кресла, одно занято девушкой. Занимаю свободное, дергаю молнию куртки, аккуратно кладу шапку возле себя. Параллельно осматриваюсь по сторонам, примечательности отсутствуют. Девушка сидит тихо. А вот и обещанный психолог, кричит кому-то «У меня сеанс», запирает дверь, проходит к столу, устраивается. Она женщина, 40—45 лет, обычная внешность, современная прическа, жакет, длинная серая юбка. Не очень удачный гардероб, учитывая мою проблему... Но надо начинать, и она сделала это первой:

— « Итак, о чем бы вы хотели со мной поговорить?»

Эй, постойте, а как же тет-а-тет? Ведь рядом девушка сидит, а у меня личное. И вообще, чего она на меня так смотрит изучающе? Хм. Практикантка наверное, раз про неё ни слова не сказали. Ну ладно, не так важно, одному или двоим открывать душу. Глядеть буду на психолога.

— « Я ищу избавления от ненависти.»

Она чуть кивает и приподнимает бровь, не то удивлена, не то выражает заинтересованность. «У меня несколько своеобразные представления о приличии. О одежде. Я не могу принять то, что одевают девушки, которых я вижу. Идя по улице или по университету, я вижу бесконечные юбки, блузки с просвечивающими лифчиками, обтянутые зады в брючках, с выделяющимися полосками нижнего белья, декольте в кофточках и обнаженные полоски живота над джинсами «на бёдрах». Я не смотрю им в лица. И я не понимаю, что заставляет их носить такое. Откуда берет начало стремление оголить часть тела, или приковать взгляд к форме ягодиц и заставить мозг работать над размышлениями на тему цвета трусиков, благо их форма и текущее положение на половинках зада видны как на ладони? Я понимаю порнографию и эротику: девушки делают это сознательно, зная, что мужчин интересует их грудь и попа, ножки и волосики на лобке, они дают только это и хотят, чтобы ими любовались. Соответственно, девушка с ярлыком «Я — тело», надевшая хоть белый

купальник для похода в театр, не вызывает у меня никаких эмоций, но когда девушка выставляет свои прелести, а требует оценки её души — тут я полностью схожу с ума. Я не могу принять такое, для меня девушки делятся на «хороших» и «плохих», и не может девушка с внешними атрибутами блондинки претендовать на категорию «хороших». Или юбка и похотливые взгляды, или джинсы без единого намека и всё, что пожелаешь. В том числе и похотливые взгляды.»

Ответом мне было молчание. Я перевел дух.

— « Юноша, вы боитесь девушек.»

А то я не знаю. Причины своей ненависти я понял после первого же самоанализа.

Мне бы средство к её удалению..

— « Знаю. И что вы мне можете предложить?..»

— « Знакомьтесь, это Аня».

Она указывает на ту самую девушку.

«Моя дочь. Как вы оцените её наряд? Только честно. Хотя, впрочем, я сама скажу за вас — она одета вызывающе. Не бойтесь, возьмите её за грудь» Я дернулся вперед, не поверив услышанному.

« Доверьтесь мне. Протяните руку и положите её на грудь!»

Моя ладонь уже проделала половину пути, прежде чем разум осознал приказ. Не успел я оценить необходимость остановиться, как почувствовал тепло женского тела.

Все знают, что такое возбуждение. Животные чувства вырываются из глубин, куда их прячет сознание, и только когда наступает удовлетворение, они медленно, словно нехотя, прячутся обратно в свои норы, и человек только тогда обретает способность удивляться тому, что он сейчас вытворял.

Иначе не было бы секса — для разума этот процесс весьма отвратителен.

Анюта, как я ей мысленно стал называть, положила свою ладошку поверх моей и вдруг резко прижала её, сделав резкий вдох. Она смотрела прямо в глаза и призывно тянула ко мне губы. Её взгляд дернулся в сторону, и одновременно послышался хлопок двери. Я отпрянул, покрывшись холодным потом от испуга. — «Не бойся, это мама ушла. А ты остался, и я осталась. Хочешь чаю или меня?»

Она улыбалась, радуясь своей шутке. Улыбкой она походила на какую-то актрису, и это сравнение словно превратило для меня происходящее в кино, появилось ощущение сценария, и я стал тщательно исполнять свою роль.

Я взял Аню за плечи, скользя ладонями по ребрам и потом вверх, поглаживая шею и нежно щекоча её за ушками. Две ладони встретились на затылке, держа её маленькую головку, и я притянул её к губам. Мы поцеловались.

Теплые и податливые, её губы целовали меня так неистово, что я едва заметил, как её руки оказались на моей груди. В отместку я скользнул к застёжке лифчика и расстегнул её; не отрываясь от кожи, руками освободил её грудь от оков и слегка сжал полушария. Сами они мягонькие, а соски царапаются, когда проводишь ладонью, и вминаются в плоть, словно шипы на шинах, будто прячутся от ласки.

Всего две пуговицы держали рубашку, они были расстегнуты за секунды, хоть и пришлось на время отложить волнующее путешествие по груди, столь ненавистной мне, когда она полускрыта-полувывставлена блузкой.

И конечно несколько слов о попе, о этом сгустке плоти!

В дополнение рубашке Аня надела именно обтягивающие брюки, и сейчас я просто лапал её через них, чувствуя как всё тяжелее она дышит, и как всё больше напрягается член. Я целовал её в левую грудь, везде, кроме сосков, это я приберегал на потом, когда потребуются возбудить её до самого максимума. Она, находясь в полузабытье, то впивала в меня коготки, то с силой гладила, вот уже ручкой залезла ко мне в трусы и схватила палочку.

— «Давай, в меня, я уже хлюпаю от желания.»

Я скинул штаны, скатал с неё брючки до колен, она пошевелила ногами и они упали на пол, осталось только снять с неё трусики, я поддел их и дернул, тряпочка осталась в моих руках, но мне уже было плевать, член смотрел как пушка в небо, и, приподняв Аню на руках, я насадил её на кол.

Она чуть вскрикнула. Капелька смазки капнула на мой лобок, горячая, а я не останавливаясь двигался в Ане, чуть вперед и назад, насколько позволяло наше положение, держа её попку на руках. Она встала коленками на стул по бокам от моих бедер и освободила меня, теперь всё происходило без моего участия, и не занятыми более руками я стал ласкать её везде, куда мог дотянуться.

Очень скоро она стала прыгать на мне яростнее, я уже просто мял её тело руками с какой-то озлобленностью, и тут она застонала и рухнула на мне, конвульсивно подергиваясь. Я двинулся в ней пару раз и почти потерял сознание, только чувствовал, что что-то движется внутри члена, стремясь наружу и попадая внутрь..

Когда я очнулся, Аня всё еще полулежала на мне, хотя мы уже разъединились, я просто выскользнул из неё.

Сознание принесло с собой осознание.

Хорошенькое мы сейчас представляли зрелище: на стуле, полуодетые, в кабинете психологической помощи, и главное — лишь пять минут как знакомые.

Я чуть потормошил девушку.

— «Вставай!»

Она нехотя слезла с меня, с жалостью посмотрела на валяющиеся остатки трусиков, подняла их, вздохнула и вытерла промежность, сначала свою, а потом, еще раз вздохнув, мою.

Поняв, что всё окончено, я тоже стал одеваться.

— «А теперь наливай чай.»

Один-один, между нами ничья.

Мы молча пили чай с вафлями, когда дверь третий раз за мое присутствие в центре открылась и Анина мама зашла, заняв свободное место. Странно, но произошедшее не заставляло меня бояться её, скорее я смотрел на неё, как на режиссера. Она заговорила: «Вот так, молодой человек. Знаете, каково это, помогать всем, но не мочь помочь собственной дочери? Я самого детства я давала её знания о людях, думая, что это поможет её в жизни, но в одном я ошиблась. Я оказалась слишком хорошей учительницей. Аня превзошла все мои ожидания, но это стало её бедой. Дело в том, что мужчины для неё прозрачны. Одному нужна женщина, способная дать ему чувство собственной значимости, другой ищет образ наивной девочки, который так нравится стареющим богатым мужчинами, третий ищет женщину-вамп. Но Ане было скучно с ними, ибо достаточно было выполнить набор действий по приданию себе нужного образа, и мужчина был у её ног. Аня стала ненавидеть предсказуемость мужчин. Вы — первый, кто её удивил. Когда я это заметила, я поняла, что даже моё материнское слово сейчас не остановит её от задуманного, поэтому я

просто ушла. А теперь время уйти вам. Я сожалею, но вам способны помочь только вы сами.

Попробуйте порадоваться тому, что ваша ненависть послужила лекарством.

Прощайте, и спасибо.»

И вот я уже иду по улице, думая, что же мне дало это посещение?

Стало ли мне лучше? Да, но ненадолго.

Избавился ли я от проблем? Нет.

Взгляд скользнул по идущей впереди девчонке, в неизменных для них брючках. Вот они, родные, полоски от резинок трусиков на сминающихся половинках зада.

И вдруг меня как по башке осенило:

«А ведь в итоге я все-таки ответил на один свой вопрос! Пусть в одном случае, пусть на очень глупый, но я теперь знаю, какого цвета трусики у девушки Ани!!! Те их машинально унесенные остатки, который я сейчас держу в руке, будут напоминать мне об этом всегда.»